

УДК 101:316.3

**ОСНОВНЫЕ СТРАТЕГИИ ИССЛЕДОВАНИЯ ЯЗЫКА ИДЕОЛОГИИ
В СОВРЕМЕННОЙ ФИЛОСОФИИ КУЛЬТУРЫ***канд. филос. наук, доц. О.В. МАЩИТЬКО**(Белорусский государственный университет культуры и искусств, Минск)*

Осуществляется теоретическая реконструкция основных стратегий исследования лингвистического функционирования идеологии: постмарксистской, постструктуралистской, постмодернистской, религиозно-теологической, лингвистической. Выявлены тенденции, общие для всех стратегий изучения языка идеологии в современной культуре: всем перечисленным стратегиям свойственно расширенное понимание идеологии, во всех рассмотренных стратегиях фиксируется связь идеологии и языка, а также обосновывается преимущество исследования идеологии на уровне языка. Критика и сопротивление идеологии ввиду отмеченных положений перемещаются из области содержания в область языка, а также актуализируется проблема неявной идеологии.

Анализ языка идеологии всегда был одной из приоритетных тем при исследовании способов воздействия идеологических идей на субъекта, методов формирования идеологического сознания. Важность данной проблемы осознавали в первую очередь сами идеологи. Исследователь психологии масс С. Московичи писал: «Что во многих отношениях удивительно и малопонятно это всемогущество слов в психологии толп. Могущество, которое происходит не из того, что говорится, а из их «магии», от человека, который их говорит, и атмосферы, в которой они рождаются. Обращаться с ними следует не как с частицами речи, а как с зародышами образов, как с зёрнами воспоминаний, почти как с живыми существами» [1, с. 286]. Статус проблемы языка идеологии остается не менее важным на сегодняшний день, хотя способ идеологического языкового воздействия переместился из плоскости содержательной в плоскость формальную. Исследование языка идеологии затруднено тем, что он не всегда точен с описательной точки зрения, состоит из амбивалентных понятий, связанных с оценочными коннотациями. Обзор основных стратегий в исследовании языка идеологии в современной философии культуры и ставится целью настоящей работы.

Постмарксистские интерпретации лингвистического функционирования идеологии. Под термином «неомарксизм» подразумевается совокупность марксистских ориентированных течений зарубежной мысли, характеризующихся критикой капитализма и выходящих за теоретические рамки официальной версии марксизма, но базирующиеся на теоретическом наследии К. Маркса. В его работах проблема идеологии связана со специфическим типом теоретизирования, характеризующимся установкой «герменевтики подозрения»: смыслы следует интерпретировать с точки зрения реальности, которая скрыта от сознания индивидов. Идеология – воображаемая конструкция, не соответствующая реальности. Описание идеологии, таким образом, базируется на понимании сознания как отношения явного и скрытого. Вопрос, какова природа и механизмы этого процесса, является ключевым вопросом для концептуализации идеологии, что неизбежно влечет за собой проблемы лингвистического порядка. Следовательно, уже в классическом марксизме намечается тенденция трактовать язык сквозь призму его конституирующей роли по отношению к «воображаемому сознанию», коим является идеология, хотя теоретическим базисом данной трактовки выступает традиционный новоевропейский тезис о связи языка и мышления. В классическом марксизме говорится о «фразеологичности» идеологии: любая идеология имеет свой язык, борьба идеологий оказывается борьбой фраз.

В рамках неомарксизма благодаря А. Грамши и Л. Альтюссеру идеология получает осмысление в качестве реальной исторической силы, значимого фактора социального порядка и социальных изменений. Кроме прочего, с А. Грамши связано начало расширительной трактовки понятия идеологии. Под идеологией подразумевается «мировоззрение, косвенно выражающееся в искусстве, праве, экономической деятельности, во всех проявлениях частной и общественной жизни». Идеология, таким образом, становится не политическим, но общекультурным феноменом. С теорией А. Грамши связано повышение роли языкового фактора при рассмотрении идеологии. Так, знаменитый концепт гегемонии, применяемый для объяснения добровольного подчинения, подчинения без принуждения или насилия, предполагает организацию согласия. Установление гегемонии, в свою очередь, предполагает использование языковых механизмов. Важнейшим из них является производство значения в целях мобилизации и организации согласия. Следствием концепции гегемонии является также модель неявного правления, осуществляемого на основе ненасильственного принуждения, которая может рассматриваться как теоретическая основа концепта неявной идеологии.

Одной из наиболее значимых постмарксистских концепций языка идеологии выступает теория дискурса Э. Лаклау и Ш. Муффа. В данной теории общество рассматривается как реальность, которая

конструируется сосуществованием различных дискурсивных систем. Теория Э. Лаклау и Ш. Муфф базируется на четырех понятиях: «артикуляция», «дискурс», «момент», «элемент». Под артикуляцией понимается любая практика установления отношений между элементами. Дискурс – совокупность фиксированных значений, возникающих в результате артикуляционной практики. Моментами называются знаки дискурса, а элементами – знаки, не артикулирующиеся в дискурсе. Элементы – это знаки, значения которых не зафиксированы в дискурсе, они полисемичны. Дискурс пытается «зафиксировать» значения, свести полисемию к единственности значения. Другими словами, дискурс стремится к закрытости. Фиксация значений предполагает переход от «элементов» к «моментам», но этот переход никогда не бывает окончательным. Все моменты остаются потенциально полисемичными, следовательно, потенциально всегда являются элементами. Дискурс никогда не может достигнуть окончательной фиксации значения, «вторжение» альтернативных значений из области дискурсивности может снова сделать его неопределенным. Таким образом, понимание социальной реальности как дискурсивной конструкции предполагает, что социальное явление никогда не бывает законченным, окончательно сформированным. Значение предполагает вариативность, оно никогда не может быть фиксированным, а, следовательно, социальная борьба есть борьба за значение, за определенное понимание общества.

Социальное в теории Э. Лаклау и Ш. Муфф есть область создания значений. Каждый конкретный случай фиксации знака условен. Идеология начинается там, где попытка фиксации определенного значения сопряжена с претензией на безусловность. Идеологический дискурс – это дискурс, претендующий на безусловность, закрытость значения. Данное положение предполагает наличие в дискурсе неких центральных элементов, привилегированных знаков, вокруг которых организуется дискурс. Эти знаки сами по себе «пусты», открыты для приписывания им различных значений. Различные дискурсы борются за то, чтобы зафиксировать значение наиболее важных знаков. Дискурс пытается устранить двусмысленность, сделать дискурс закрытым, но полностью этого достичь невозможно. Артикуляции постоянно воспроизводят или оспаривают существующие дискурсы, пытаются зафиксировать значение своим способом. Артикуляции постоянно вмешиваются в структуры значения, преобразовывая их самым непредсказуемым образом. Вариативность общества как дискурсивной конструкции потенциально неисчерпаема. Претендуя на вневременной статус, дискурс становится идеологией.

Применение понятия дискурса к анализу социальной реальности позволяет проводить аналогии между языком и социальными структурами. Подобно тому как структура языка не может быть полностью фиксированной, так и социальная реальность является подвижной. Поэтому анализ перемещается от «что» социальной реальности на «как» создания конкретно данной объективности.

Одной из задач философии, считает Г. Маркузе, является демистификация репрессивного общества, которая осуществляется через анализ языка. Для анализа по выявлению идеологии необходима металингвистическая операция, которая способна перевести язык объекта в такую форму, которая показала бы его зависимость от определенных идеологий: «Какая-либо речь, газетная статья или даже сообщение частного лица изготавливаются индивидом, который является рупором (независимо от того, уполномочен он кем-либо на эту роль или нет) отдельной группы (профессиональной, территориальной, политической, интеллектуальной) в определенном обществе. У такой группы всегда есть свои ценности, цели, коды мышления (курсив наш) и поведения, которые – независимо от того, принимаются они или оспариваются и в какой степени осознаются, – оказывают влияние на индивидуальную коммуникацию. Таким образом, эта последняя “индивидуализирует” наиндивидуальную систему значения, разговор о которой следует вести в иной плоскости, нежели разговор об индивидуальной коммуникации, и, тем не менее, с нею пересекающейся. Такая наиндивидуальная система в свою очередь входит в состав более обширной области значения, сформированной и, как правило, ограниченной той социальной системой, внутри которой зарождается коммуникация» [2, с. 173].

Язык политической идеологии эпохи «больших идеологий» Г. Маркузе называет «открытым языком». Открытость, по сути дела, связывается с многозначностью ключевых идеологических концептов, различием их трактовкой в разных контекстах. Активность языка, по мнению Г. Маркузе, связана с его модификациями в условиях влияния социального контекста. Языковой континуум трактуется как гетерогенное образование, поле идеологической борьбы.

Одним из самых известных (иногда – со скандальным оттенком) исследователем идеологии постмарксистского направления является С. Жижек. Основным лейтмотивом его работ выступает критика теории «постидеологического общества». Современное общество столь же идеологично, как и в эпоху «больших идеологий», разница состоит лишь в изменении способа функционирования идеологических конструктов, который приобрел неявный характер. Концепция С. Жижека, таким образом, выстроена вокруг понятия «постидеология». Однако так называемое «постидеологическое» состояние современного общества он называет новым этапом развития самой идеологии, отличительная особенность которой состоит в том, что сегодня нельзя отделить реальность от ее идеологической составляющей. В плоскости

лингвистического анализа это означает, что идеологический метаязык вписан в язык-объект, является его неотъемлемой частью.

Для нашего исследования интересен «формальный» анализ функционирования современных идеологий. Сама идеология описывается на языке лакановской философии как «некое диалектическое новообразование на теле языка, его симптом». Идеологический «симптом» определяется негативно, для его выявления С. Жижек пользуется понятием ретроактивности. Это значит, что идеология – это мистификация действительности, которая изначально вписана в структуру действительности. Так, С. Жижек выстраивает корреляцию между анализом товара у К. Маркса, анализом сновидения у З. Фрейда и анализом идеологии. Во всех трех случаях анализируется не «содержание», скрытое за «формой», а сама форма. Анализ предполагает не проникновение к «скрытой сущности», а ответ на вопрос, почему сущность облечена в конкретно эту форму.

Фундаментальный уровень идеологии С. Жижек называет «идеологическим фантазмом». Это уровень, на котором идеология структурирует действительность. Главный вопрос теории идеологии, как полагает С. Жижек, – вопрос расположения идеологической иллюзии. Традиционным ответом на этот вопрос является сознание: иллюзорность заключена в сознании, в незнании действительного положения вещей. При таком подходе идеологический фантазм будет заключаться в расхождении между тем, что люди делают, и тем, что, как им кажется, они делают. Идеологическая ситуация возникает тогда, когда люди не осознают, что они делают «на самом деле», когда складывается ложное представление о социальной действительности. Иллюзия, считает С. Жижек, имеет своим местом не знание, а действие, саму действительность. Заблуждение касается не действительности, а иллюзорного структурирования самой социальной активности. То есть субъекты осознают действительное положение дел, но действуют так, как если бы не отдавали себе в этом отчета. То есть идеологический фантазм заключается в действительном, фактическом отношении к реальности. Жижек иллюстрирует это примером с деньгами. Деньги «фактически» – это ничего не стоящие бумажки, но наши действия придают им ценность, которой они в действительности не обладают [3].

Таким образом, если относить идеологию к сфере знания, то современное общество будет «пост-идеологическим». Однако в современности сохраняется фундаментальный уровень идеологии – уровень фантазма, структурирующий социальную действительность. Идеологическая иллюзия содержится в реальности самого действия. Также если спроецировать данные положения на религиозную идеологию, то современное общество будет секуляризованным. Однако неявные формы религиозной идеологии продолжают действовать. В этом смысле С. Жижек говорит об «объективности» современной веры. Вера – это нечто внешнее, требующее практической, конкретной активности человека. Субъект идеологии не верит – за него верят вещи, сама символическая система социальной реальности. Она выполняет ту же функцию замещения, которую выполняют плакальщицы на похоронах или смех за кадром. Плакальщицы горюют вместо субъекта, закадровый смех веселится вместо субъекта, идеологизированная социосимволическая система верит вместо субъекта. Следовательно, вера не есть некое сокровенное психическое образование. Вера материализована в нашей реальной деятельности.

Таким образом, среди основных направлений постмарксистской интерпретации лингвистического функционирования идеологии можно отметить следующие: *во-первых*, фиксируется связь идеологии и языка как таковая. Если в классическом марксизме взаимозависимость языка и идеологии обусловлена новоевропейским тезисом о лингвистической обусловленности мышления, в результате чего язык трактуется как «инобытие идеи», то в современных теориях постмарксистского толка дискурсивная трактовка социальной реальности позволяет отождествить «идеологию» и «язык идеологии», в результате чего идеология из «системы идей» превращается в «систему действий»; *во-вторых*, применительно к анализу современной и постсовременной культуры формулируется понятие «неявная идеология». Трактовка идеологии как «навязывания очевидности» присутствует уже в неомарксизме у Л. Альтюссера, однако в полной мере данная идея получила развитие в постмарксизме, ориентированном на лингвистическое выявление идеологии в «постидеологическую эпоху»; *в-третьих*, из «неявности» идеологии логически следует подвижность самих идеологических конструкций, отказ от понимания идеологии как фиксированной системы установок – идеологем. Анализ перемещается от «что» социальной реальности на «как» создания конкретной объективности; *в-четвертых*, с постмарксизмом связано расширение самого понятия «идеология». Уже у А. Грамши она трактуется как общекультурный феномен, практически неотличимый от мировоззрения и воплощающийся в самых разных формах культурной и общественной жизни. Идеология у С. Жижека – это мистификация действительности, вписанная в саму структуру действительности.

Кроме того, говоря о постмарксистской стратегии в трактовке идеологии нельзя обойти вниманием актуальность формационного подхода и экономического фактора при формировании идеологий, основанных на принципиальном различии капиталистического и некапиталистического устройства социума. Капитализм, широко понимаемый в качестве стратегии устройства общества, основан на соблазнении, на принципе: «потребляй сегодня – плати завтра». Принципом некапиталистического социума, в противо-

положность этому, является «плати сегодня – потребляй завтра». На лингвистическом уровне первый принцип отображается как инфляция языка, появление ничем «не обеспеченных» на уровне означаемого слов. Функционирование капиталистической системы строится на постоянной эмиссии денег и принципе пониженного срока износа товаров. Без этих факторов функционирование системы невозможно. На лингвистическом уровне симметричным процессом является своего рода «эмиссия слов»: искажения, появление все новых и новых сленгов, особенно в интернет-среде. В теории постструктурализма этот процесс нашел отображение в рамках концепции пустоты знака. Оборот ничем не обеспеченных денег приводит к функционированию ничем не обеспеченных слов.

Постструктуралистская стратегия исследования языкового функционирования идеологии. Постструктуралистская трактовка языка идеологии является логическим следствием представления о том, что действительность структурирована через язык. Исходя из представления о языке как глобальном и универсальном в своих проявлениях явлении, углубив языковую составляющую в гуманитарных исследованиях в целом, постструктурализм трактует язык как основной детерминант мировоззрения. Языковое функционирование идеологии исследуется в этом контексте с точки зрения проблемы борьбы за «власть интерпретации» различных идеологических систем. Мы получаем «доступ» к миру посредством языка. И поскольку господство идеологии возможно через язык, постольку через овладение языком навязывается образ мышления, отвечающий потребностям этих идеологий.

Теоретическим базисом лингвистического исследования идеологии в постструктурализме является утверждение, что означаемое конститутивно по отношению к означаемому. Из посылки о конструируемости объекта вытекает, что значения понятий не могут находиться вне языка. Значение слова надо искать только в его соотношении с другими словами. Социальная реальность представляет собой калейдоскоп значений, а процесс создания социального порядка – процесс дифференциации хаоса значений, процесс «означивания» мира, который осуществляется через дискурс. Сам дискурс в этой связи рассматривается как события. Создаваемый таким образом порядок условен, поскольку высказывания не обладают фиксированным значением.

Постструктуралистское видение социальной реальности опирается на тезис о текстологической хаотичности мира. Для исследования функционирования идеологии в системе культуры постструктурализм вырабатывает представление об определенных источниках порядка, точках, в которых значения приобретают фиксированный характер. Ввиду того, что данные «точки» имеют знаковую трактовку, рассмотрение функционирования идеологии пролегает в лингвистической плоскости.

В работах постструктуралистов идеология (как и социальная реальность в целом) трактуется в семиотической плоскости и сквозь призму семиотических категорий. Так, Р. Барт трактует семиологию как «науку о значениях», понятие значения при этом распространяется за пределы коммуникации, значениями человек наделяет всю реальность в процессе социально-идеологической деятельности. Семиология, занимаясь практикой означивания, следовательно, должна быть наукой об обществе, а также наукой об идеологиях. Идеология по Р. Барту – современный языковой миф, коннотативная система, приписывающая объектам непрямые значения. В работах Р. Барта можно отметить следующие направления в исследовании языка идеологии: *во-первых*, это анализ языковой природы мифа, понимание мифа как «похищенного языка»; *во-вторых*, рассмотрение коннотативных механизмов создания мифологий; *в-третьих*, исследование репрессивного характера мифологий; *и наконец*, выявление способов борьбы против идеологий семиологическими средствами.

В исследованиях Р. Барта представлен анализ функционирования языковых идеологических механизмов. Современные мифы Р. Барт описывает как совокупность коннотативных означаемых, образующих латентный идеологический уровень дискурса. У Барта выделяются два уровня осмысления языка мифа: *во-первых*, миф направлен на изменение реальности, имеет целью создать такой образ действительности, который совпадает с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания; *во-вторых*, миф озабочен сокрытием своей идеологичности, стремится к тому, чтобы его воспринимали как нечто естественное, само собой разумеющееся. Тактика мифа заключается в отклонении и деформации языка. Для этого и вырабатывается вторичная семиологическая система – она является средством натурализации понятия. Поэтому миф определяется Р. Бартом как «чрезмерно обоснованное слово».

В качестве одной из важнейших задач семиотики У. Эко рассматривает выявление идеологии. Изучение явных и неявных идеологий, по его мнению, должно осуществляться через рассмотрение знакового поведения, которое коннотируется этими идеологиями. Под идеологией У. Эко понимает некую целостность, располагающуюся вне семиологического универсума, надстроенного над так называемым миром риторики, универсумом кодов и лексикокодов, соединяющим отправителя с носителем значения. Идеология понимается здесь достаточно широко: «мы будем понимать под идеологией все то, с чем так или иначе знаком адресат и та социальная группа, которой он принадлежит, системы его психологических ожиданий, все его интеллектуальные навыки, жизненный опыт, нравственные принципы (мы бы охотно сказали, всю его культуру, имея в виду антропологический смысл термина, если бы такое понимание культуры не включало также и риторические системы)» [4, с. 137].

Отличие идеологии от других форм коннотаций, согласно У. Эко, заключается в ее системном характере. Идеология, формируя область значений, набор означаемых, соответствующих тем или иным означающим, не ограничивается только областью значений. Семиологической особенностью идеологии является то, что она задает «последнюю, окончательную, исчерпывающую» форму для всей совокупности коннотаций: «Идеология есть последняя коннотация всей совокупности коннотаций, связанных как с самим знаком, так и с контекстом его употребления» [4, с. 140].

Как полагает У. Эко, идеология как таковая может анализироваться только в лингвистическом аспекте. В этом контексте он постулирует необходимость исследовать идеологию «в паре» с риторикой. Связь риторики с идеологией базируется на том, что определенные способы языкового выражения отождествляются с конкретным мировоззрением. Следовательно, идеология формирует предпосылки для риторики, и риторические формы со временем обретают стилизованную, всеми узнаваемую форму. Для визуальных знаков также характерна тесная связь между риторическими формами и идеологическими мотивациями. Важным аспектом семиологического исследования У. Эко считает непрерывность процесса образования новых кодов и идеологий. Новая идеология открывает новые возможности языка, учит смотреть на мир по-новому. Новые языковые и идеологические навыки со временем становятся общепринятыми и привычными, начинают диктовать свои нормы употребления языка и видения мира. Возникают новые коды и новые идеологические ожидания и т.д.

В этой связи в семиотическом анализе идеологии, согласно У. Эко, первичное значение приобретает опознаваемость кода, декодировка сообщения, а именно, в формулировке автора, вопрос о том, «что заставляет адресата при декодировке сообщения предпочитать одни лексикоды другим». В качестве примера приводится декодировка слова «нация» в различных комплексах нравственных и политических убеждений – в рамках национализма XX века и в речи, посвященной эпохе Рисорджименто. При этом выбор кода зачастую предопределяет выбор соответствующей идеологии. Таким образом, идеология и знак тесно связаны: «Знаки отсылают к идеологии и идеология к знакам». Одну из задач семиотики У. Эко видит в том, чтобы делать явной идеологию, скрывающуюся за риторикой: «семиотика как наука об отношениях между кодами и сообщениями занимается непрерывным выявлением идеологий, скрывающихся за риторическими приемами (за риториками)» [4, с. 138]. «В мире знаков, упорядоченных в коды и лексикоды, семиология выявляет идеологии, которые так или иначе отражаются в устоявшихся формах и способах общения» [4, с. 138].

В работах М. Фуко практически не используется понятие «идеология», однако целый ряд его идей вносит существенный вклад в исследование лингвистического функционирования идеологии, которая трактуется как неангажированное знание, знание, производящее впечатление «естественности», независимости от властного дискурса. Фуко основывается на интуиции Ницше о грамматике как матрице всех дискурсов, согласно которой имеет место бессознательная власть («ярмо») одних и тех же грамматических функций. Она базируется на родстве всех языков и приводит к тому, что все языковые системы развивались однородно. Эту идею М. Фуко развивает, анализируя общность грамматических структур, исторического дискурса и дискурса о богатстве. В том же русле исследуется дискурс расизма и формулируется понятие «биополитика».

В работах М. Фуко начинает играть ключевую роль разработанное в рамках постструктуралистской стратегии понятие дискурса. У него можно отметить такую основополагающую черту дискурса, как идеологическая детерминация, означающую, что в дискурсе отражены отношения давления и подчинения в обществе. Существенным признаком дискурса является его изменчивость во времени. У М. Фуко исследуются основания гносеологической и исторической абсолютизации дискурса, эволюция дискурса, стремящегося к установлению власти идеологии и знания. Эти вопросы рассматриваются сквозь призму психиатрического, сексуального и тюремного дискурсов, сыгравших решающую роль в подчинении субъекта в современном обществе.

Ряд интересующих нас вопросов, напрямую не касаясь проблем идеологии, затрагивает также в своих работах Ж. Деррида. В первую очередь, предложенный им метод деконструкции может интерпретироваться как метод деидеологизации. В своей стандартной версии деконструкция направлена на выявление скрытых оппозиций с целью демонстрации неявного превалирования одной оппозиции над другой. В последнем и заключается суть идеологического насилия. Особое внимание Ж. Деррида уделяет оппозиции письма и речи, «разоблачая» ее в качестве ложной и сводя речь к письму. Характерно понимание письма как сути деятельности, то есть Ж. Деррида понимает письмо как относящееся не просто к системе записи, но к самой сути той области деятельности, к которой относится.

Подводя итог, можно отметить, что в постструктуралистском рассмотрении языкового функционирования идеологии наиболее значимыми являются следующие аспекты: *во-первых*, обоснование преимущества лингвистического анализа при исследовании идеологии. В каждой из постструктуралистских теорий данный тезис преломляется по-разному, однако неизменно присутствует в каждой. У Барта миф представляет собой вторичную семиологическую систему, предполагающую семиотический способ ана-

лиза. Эко предлагает изучать идеологию через рассмотрение знакового поведения, которое ей коннотируется. Деррида в качестве метода выявления скрытого идеологического насилия предлагает деконструкцию; *во-вторых*, как и в постмарксистской стратегии, в рамках постструктурализма имеет место расширенное понимание идеологии. Это и трактовка идеологии как коннотативной системы, приписывающей объектам не прямые значения, у Р. Барта; и понимание У. Эко идеологии как целостности, располагающейся вне семиологического универсума (Эко даже считает возможным отождествление идеологии с культурой при условии «исключения» из понятия культуры риторических систем); в качестве аналога понятия идеологии у Ж. Деррида может выступать диктат бинаризма; *в-третьих*, в постструктуралистских теориях присутствует различие явного и неявного способов функционирования идеологии. Сам термин неявной идеологии достаточно активно использует только У. Эко (основную задачу семиотики он видит в том, чтобы делать явной идеологию, «скрывающуюся» за риторикой). В качестве его аналогов могут рассматриваться различие языка как орудия идеологии и идеологического «по сути» языка (доксы, «формы бессознательного») у Р. Барта; идеологическое насилие скрытых оппозиций у Ж. Деррида. Неявные механизмы функционирования психиатрического, сексуального и тюремного дискурсов исследует М. Фуко. Наконец, весьма значимым аспектом постструктуралистских исследований являются попытки выявления конкретных лингвистических механизмов функционирования идеологии: Барт выявляет языковые механизмы формирования, функционирования и расшифровки мифа; Эко ключевое значение придает опознаваемости кода, декодировке сообщения; у Фуко исследуются основания гносеологической и исторической абсолютизации властных дискурсов.

Языковой модус бытия идеологии в постмодернизме. В постмодернизме проблема языка и идеологии ставится как проблема соотношения репрезентации и наррации (текстуализации). Учитывая, что текстуализация трактуется не просто как вербальный акт, а является способом организации культурных, политических, религиозных событий и социальной жизни в целом, она неизбежно обладает идеологическим эффектом. Речь идет не о демократической игре в множественность точек зрения, а об организующих принципах и чертах культурного бытия как такового. Постмодернистское утверждение нарративной природы культурного и социального бытия, следовательно, не является нейтральным тезисом. Напротив, учитывая отрицание постмодерном любой реальности, помимо текстологической, оказывается, что нарратив наделяется идеологическим статусом.

Идеологические последствия текстологической трактовки культуры двояки. Если имеет место референт, текст окажется многообразием равноправных кодов; если не существует внелингвистической референции, письмо окажется контекстом и исходной точкой всех возможных толкований. В области искусства полифония обладает эстетическим эффектом, в социальной – идеологическим. В социальной сфере полифония оборачивается репрессивной стороной, стремлением к безальтернативному господству одного дискурса, единого кода.

У Бодрийера в основе идеи лингвистического давления идеологии лежит радикализация сосюровского принципа произвольности знака и отсутствия за знаками реальности. Реальность понимается как отражение знака: она конституируется символической деятельностью и является эффектом знака. Для описания данного знакового эффекта Ж. Бодрийер использует понятие симулякра. Симулякр в самом общем смысле понимается как пустой знак. За симулякром нет референта, нет реальности. Для иллюстрации этого тезиса Ж. Бодрийер использует аллегорию Борхеса о карте Империи, которая размерами равняется самой Империи и полностью покрывает ее территорию, так что мы не можем отличить, где карта, а где действительность. В современную эпоху социальное становится гиперреальным, стирается грань между реальностью и воображаемым. Таким образом, реализуется то, что Ж. Бодрийер называет «террористическим контролем смысла». Исследование знаковой стороны симулякра означает развенчание идеологии [5].

Исходя из принципа симуляции, в концепции Ж. Бодрийера осуществляется исследование всех социальных феноменов: с утратой реальности анализ социального перемещается в сферу симуляции. Реальные социальные противоречия перемещаются в семиотическую сферу. «Реальная» социальная стратификация заменяется дифференциацией людей с помощью знаков. Это рождает особую социальную модель, которую Ж. Бодрийер называет «семиократией». Идеальное пространство семиократии – город. Поскольку идеологический контроль осуществляется через систему знаков, то социальный протест является наиболее эффективным также в семиотической плоскости. Будучи системой знаков без референта, идеология оказывается наиболее уязвимой со знаковой стороны, что иллюстрируется Ж. Бодрийером на примере граффити.

Соотношение языка и идеологии Ф. Джеймисон рассматривает в контексте анализа концепта «политическое бессознательное». В работе «Политическое бессознательное. Нарратив как социально-символический акт» Джеймисон исходит, с одной стороны, из положения об идеологической ангажированности каждого субъекта, а с другой – из тезиса о неосознанности субъектом своей идеологической предвзятости. Данные положения применяются к анализу нарратива (литературного текста) как

«социально-символического акта». Будучи социально-символическим актом, нарратив всегда идеологически ангажирован на фоне неосознанности этой ангажированности. Это и называется Ф. Джеймисоном «политически бессознательным». Экспликация и исследование политически бессознательного возможны через анализ языка, текстового, воплощенного сознания. История доступна только в текстуальной форме, познание «истории самой по себе» возможно только при прохождении через стадию текстуализации, то есть нарративизации политически бессознательного [6].

Джеймисон выделяет два уровня интерпретации текста, каждый из которых представляет собой различным образом применяемый «трансгисторический императив» диалектической мысли – принцип историзма. Первый, называемый Ф. Джеймисоном объективным или естественным уровнем, означает исследование историчности структур данного текста, историчности формы и содержания, исторических условий. Второй уровень связан с исследованием историчности концептов, сквозь призму которых мы категоризируем мир. Это уровень, предпосылочный уровню объективного анализа, на нем анализируются неявные категории и коды, сквозь призму которых нам дается данный текст. Этот уровень анализа Джеймисон связывает с понятием политически бессознательного. Свой метод исследования автор называет «метакомментаторским». Это означает, что текстовый объект исследования всегда «в меньшей степени текст, в большей – интерпретация» [6]. Выявление политически бессознательного предполагает включение динамики акта интерпретации в процесс анализа и означает, что текст никогда не предстает перед нами в качестве вещи-в-себе.

В качестве основной цели «метакомментаторского» метода называется обнаружение основного интерпретирующего кода, в терминах которого «переписывается» текст. Генетически данный метод связан с марксизмом, поскольку ставит своей целью обнаружение идеологии. Идеология понимается Ф. Джеймисоном как предпосылочное понятие по отношению ко всем другим формам ангажированности. В этом смысле метод, ориентированный на выявление идеологического интерпретирующего кода, является основой для этического, психоаналитического, «мифокритического», семиотического, структуралистского, теологического. Проблематика идеологии должна быть реконструирована в рамках всеобъемлющего информационного нарративного процесса.

Политическая интерпретация текстов имеет приоритет, представляет собой «абсолютный горизонт» чтения и интерпретации, поскольку, согласно Ф. Джеймисону, все «в конечном счете» является политическим. Речь идет не о влиянии политических условий. Анализ любого текста должен быть «разоблачением» социально-символического действия. История определяется в терминах классовой борьбы. Обнаружение «следов» этой борьбы в «политическом бессознательном» и является целью интерпретации. Само понятие «политическое бессознательное» применяется для того, чтобы показать скрытую реальность классовой борьбы. Целью является не интерпретация содержания текста, а реконструкция первичного сообщения, подвергнутого перекодировкам со стороны различных дискурсов социального пространства. Интерпретация содержания трансформируется в объяснение того, каким образом это содержание было перекодировано. На основании данной методологии осмысливаются позитивные и негативные последствия «позднего капитализма» [7].

Как способ сопротивления «государственной философии» у Ж. Делеза и Ф. Гваттари рассматривается шизоанализ. А в качестве конкретной стратегии такого сопротивления в работе «Логика смысла» предлагается использование «шизофренического языка». Концепция «шизофренического языка» разработана на примере творчества Л. Кэрролла, Арто, Клоссовского, Платона. В «шизофреническом языке» предметы являются «телами», «организованными» посредством языка. Здесь очевидно наличие привычной для постмодерна темы нарратизации, когда событие и не существует вне предложения, которое его выражает. «Шизофренические слова» делятся на «слова-страсти» и «слова-действия». Шизоанализ связан с перекодировкой языка господствующей идеологии таким образом, чтобы сленг был понятен только «шизоаналитикам». Замкнутость языка в этом контексте связана с задачей конституирования концептуальной сети. Следует отметить, что проект шизофренического языка Ж. Делеза и Ф. Гваттари не приносит ничего принципиально нового по сравнению с проектом разрушения естественного языка в модернизме.

Еще одной версией текстуализованного понимания культуры в целом и идеологии в частности является концепция Ж.-Ф. Лиотара. Его теория выстраивается вокруг противопоставления метанарратива и микронарратива. Проект современности начала XX века называется *метанарративом*. Постсовременность – время *микронарративов*, которые являются языком повседневности [8]. Как и другие постмодернисты, Ж.-Ф. Лиотар указывает на отсутствие референции. Все бытие – это «языковая игра», которая виртуальна и проходит в условиях отсутствия референции. В языковой игре выделяются две системы правил функционирования речи – «режимы предложений» и «жанры дискурса». Первые представляют собой правила построения предложения и разделяются в зависимости от типа деятельности. Жанры дискурса – это правила соотнесения предложений для достижения определенной цели, делающие возможным сочетание гетерогенных режимов в единую цепочку.

В работе «Распря» Ж.-Ф. Лиотар разрабатывает теорию языковой агонистики, в которой утверждается агонистический характер пространства языковых игр, совпадающего, по сути дела, со всем социумом. В основе игры лежит разногласие, которое базируется на конфликте между режимами предложений. Выбор режима предложения неизбежно влечет за собой несправедливость к нереализованным режимам. Разрешить конфликт между режимами внутри одного жанра возможно, однако распри между жанрами дискурса в принципе неразрешимы. При этом в социуме не существует неких единых «правил игры», которые могли бы применяться для разрешения конфликтов. Есть лишь плюральная совокупность языковых правил, конфликтующих между собой. В условиях распри возможно лишь фиксировать конфликт и не допускать формирования непреодолимого разрыва между жанрами дискурса. Неразрешимость конфликта объясняется тем, что язык, используемый одной из сторон, заранее предполагает разрешение конфликта в ее пользу. Понятие объективности или некоего единого внешнего критерия невозможны в принципе. Любая «тяжба» является, по сути, способом отстранения более слабого. Беспристрастность невозможна. Единственным выходом оказывается сохранение, по возможности, принципиально «многоголосия», плюрализма языков.

Лиотар ставит вопрос о достижимости гегемонии одного дискурса в условиях глобальной языковой игры. Несмотря на то, что постулируется принципиальная гетерогенность и несовместимость предложений и жанров дискурса, их атомарность и трансцендентность по отношению друг к другу есть дискурсы, претендующие на гегемонию. Среди дискурсов, рвущихся к гегемонии, Ж.-Ф. Лиотар особо указывает на экономический дискурс.

Таким образом, среди наиболее значимых аспектов исследования языкового функционирования идеологии в постмодернизме можно отметить следующие. В первую очередь, постмодернистская стратегия анализа предлагает еще одну версию лингвистической трактовки идеологии как таковой. Причем эту версию можно обозначить как наиболее радикальную (по сравнению с ранее рассмотренными стратегиями). В постмодернистской парадигме постулируется отсутствие референта, следовательно, единственной формой бытия идеологии является знаковая. Реальность понимается как отражение знака: она конституируется символической деятельностью и является эффектом знака. У Бодрийера это выражается в идее симулякра, у Джеймисона и Лиотара – в концепции нарратизации. Во-вторых, учитывая, что единственной формой бытия идеологии оказывается знаковая, стратегия «разоблачения» сменяется стратегией «сопротивления». Сопротивление идеологии осуществляется на уровне знака, поскольку вопрос о «содержании», стоящем за знаком, в постмодернистской системе координат теряет смысл. Вариантами сопротивления являются: граффити как борьба с семиократией у Ж. Бодрийера; «шизофренический язык» как сопротивление государственной философии у Ж. Делеза; языковая агонистика у Ж.-Ф. Лиотара. В-третьих, идеология критикуется как претензия на глобальную репрезентацию мира, придающую ему осмысленность, конечное выражение смысла истории. Наиболее ярко данная идея выражена у Лиотара в понятии метанарратива. При этом критика претензии на глобальную репрезентацию в качестве идеологической сочетается с пониманием постмодернизма как культурной доминанты эпохи позднего капитализма.

Религиозно-теологическая трактовка языка идеологии. Религиозно-теологический анализ лингвистического функционирования идеологии интересен в контексте данной работы прежде всего в рамках исследования религиозной идеологии. Под религиозной идеологией мы будем понимать инобытие религиозных идей в социуме. Религиозно-теологический анализ идеологии уместен также в связи с неоднократно отмечаемой формальной близости идеологии и религии. Так, в политических идеологиях вполне очевидно прослеживается наличие эсхатологических черт, мессианских и сотериологических идей. Религиозные истоки легко прослеживаются в таких идеологемах, как коммунизм, русская идея, Третий Рим, американская мечта.

Языковая проблематика в целом имеет высокий статус в богословии и, как следствие, в религиозной идеологии. Религия в своем вероучении и культовой деятельности всегда была и остается областью повышенного внимания к слову. В истории религий вопросы языка часто приобретали жизненную важность, попадали в центр различных споров и конфликтов.

Основой религиозно-теологической трактовки лингвистического функционирования идеологии является неконвенциональная трактовка языкового знака, то есть представление о том, что слово – не условное обозначение предмета, а его часть, его сущность. Слово «небезразлично» содержанию. Из этого можно вывести чисто религиозные следствия, такие как трактовка звучания или записи имени в качестве магического акта, понимание произнесения имени Бога как приобщения к трансцендентному бытию. Так, в учении имяславия в «прославлении имени» подразумевается Имя как способное свидетельствовать о непосредственном и цельном присутствии трансцендентного, об имманентности трансцендентного. Эта идея оказала огромное влияние на развитие религиозно-теологической традиции в исследовании языка. В западной традиции можно отметить особое отношение к священному слову, которое было разработано в эпоху Ренессанса и в связи с Реформацией. Филологическая активность европейских гумани-

стов сделала возможным светское отношение к Библии. Гуманизм выступил как своего рода «филология в роли идеологии».

Идеологическими следствиями неконвенциональной трактовки знака является, во-первых, идея значимости формы, в которую облечены религиозные идеи. Эта мысль активно ретранслируется в богословских трудах, посвященных экуменизму. Когда поиск общего в религиях кладется в основу реальной религиозной политики, становится очевидным обеднение реально существующих религиозных форм. При этом перемены в обряде неизбежно влекут за собой перемены в онтологии. Новые внешние «формы», считающиеся нейтральными, на деле приводят к иному онтологическому опыту.

Вторым значимым следствием является исследование идеологического потенциала всего разнообразия религиозного новояза, активно представленное в так называемой антикультуристской литературе. Здесь, как правило, подчеркивается, что овладение сознанием со стороны новых религиозных направлений осуществляется в значительной степени через овладение языком. Например, замена понятия «Бог» на «Абсолют» отнюдь не является нейтральной и «равноценной» заменой, поскольку привносит в понятие божественного безличностный и, следовательно, антихристианский оттенок.

В работах, посвященных «постхристианскому» состоянию современной культуры (в частности, в трудах С. Роза или И. Мейендорфа), значительное внимание уделяется лингвистическому аспекту этой «постхристианскости». В условиях языковой гегемонии таких понятий, как энергетика, карма, астрал, аура, доминирующим следует признать оккультное, а не христианское мировоззрение.

Таким образом, особый статус лингвистического анализа функционирования инобытия религиозных идей в социуме, имеющий место в религиозной философии и теологии, при котором единственным способом анализа сущности той или иной религиозной системы взглядов является рассмотрение того типа языка, который создан в ее рамках. В основе религиозно-теологического исследования языка идеологии лежит традиционно присущее религии особое отношение к языку. Теоретическим базисом религиозно-теологического исследования языкового функционирования идеологии является неконвенциональная трактовка языкового знака, представление о том, что слово «небезразлично» содержанию. Идеологическими следствиями идеи неконвенциональности знака являются представление о значимости формы и «небезразличности» формы по отношению к содержанию, исследования религиозного новояза как средства идеологического воздействия на сознание, изучение языковых параметров постхристианского характера современной культуры.

Специфика изучения лингвистических аспектов функционирования идеологии в языкознании. В рамках лингвистики исследуются конкретные языковые стратегии идеологического дискурса. К вопросам, актуальным в языкознании, относятся: влияние идеологии на различные уровни языковой системы; специфические особенности идеологизированной лексики; вопрос о возможности выделения в семантической структуре слова идеологического компонента значения; проблема отражения в языке конкурирующих идеологий; обусловленность оценок тех или иных языковых единиц идеологией говорящего; выявление закономерностей воздействия идеологии на язык и возможностей влияния языка на идеологию; использование языка как орудия и объекта идеологической борьбы.

Идеологический язык понимается как знаковая система, которая прежде всего используется для пропаганды и политической коммуникации. Через язык реализуются определённые идеологические установки и стратегии. При анализе проблемы языка и идеологии исследователей интересует в первую очередь языковая прагматика. Язык здесь а priori рассматривается как способ манипулирования. В качестве задачи ставится изучение и применение различных способов манипуляции. Вариаций сфер исследования здесь множество – психотехники (например, нейролингвистического программирования), маркетинг, журналистика и, разумеется, политический язык, язык агитации и пропаганды.

Практически все перечисленные проблемы конкретизируются в рамках лингвистических исследований в изучении новояза. Термин «новояз» вошел в повседневный, лингвистический и, реже, философский и культурологический обиход благодаря антиутопии «1984» Джорджа Оруэлла. В этом произведении Оруэлл постулирует, что контроль над сознанием неразрывно связан с контролем над языком. В лингвистике в качестве одного из основных приемов языка идеологии называется диссимуляция – форма обмана, полуправда, искажение фактов. Данная стратегия реализуется с помощью таких средств, как подмена понятий, эвфемизация, отрицательные лексикализации, отрицательные сравнения, использование тропов. При подмене понятий при обозначении одного объекта используется термин другого для передачи ему положительных или отрицательных коннотаций. Цель эвфемизации – завуалирование смысла. Лингвисты, изучающие, например, язык национал-социалистической Германии, отмечают такую характерную особенность, как появление обилия новых слов, создание нового языка отмечается при революциях, в комиксах, СМИ.

В целом стратегию исследования лингвистического функционирования языка в языкознании можно обозначить как манипулятивную. Исследование языка осуществляется в рамках изучения возможного

воздействия на сознание. Политический дискурс здесь – рабочий инструмент идеологов. Через язык реализуются определенные идеологические установки. Одним из самых эффективных способов воздействия на сознание является новояз, создаваемый во всех известных формах идеологии. Теории имеют ярко выраженный практический уклон. Исследуются конкретные механизмы воздействия на сознание при помощи лингвистических манипуляций. Неявным фоном таких исследований выступает понимание идеологии в классическом марксистском смысле – как «ложного сознания», иллюзии, обмана, отличного от «подлинной» реальности.

Заключение. Рассмотрение существующих стратегий исследования языка идеологии позволило выявить ряд общих тенденций:

- во всех перечисленных стратегиях очевидным является расширенное понимание идеологии. В этом смысле правомерно говорить об идеологии как общекультурном феномене и объекте культурологического анализа;

- фиксируется связь идеологии и языка как таковая, а также обосновывается преимущество исследования идеологии на уровне языка;

- критика и сопротивление идеологии ввиду отмеченных выше положений перемещаются из области содержания в область языка. Идеология критикуется как претензия на глобальную репрезентацию мира, придающую ему осмысленность;

- актуализируется проблема неявной идеологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Московичи, С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / С. Московичи. – М.: Смысл. – 1996. – 354 с.
2. Маркузе, Г. Эрос и цивилизация. Одномерный человек / Г. Маркузе; пер. А.А. Юдин. – М.: АСТ, 2003. – 528 с.
3. Жижек, С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек; пер. с англ. В. Софронова. – М.: Худож. журнал, 1999. – 298 с.
4. Эко, У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; пер. с итал. В.Г. Резник, А.Г. Погоняйло. – СПб.: Симпозиум, 2004. – 544 с.
5. Бодрийяр, Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. – М.: Добросвет, 2000. – 387 с.
6. Jameson, F. The Prison-House of Language: A Critical Account of Structuralism and Russian Formalism / F. Jameson. – Princeton: Princeton University Press, 1974. – 189 p.
7. Jameson, F. The Political Unconscious: Narrative as a Socially Symbolic act / F. Jameson. – London, 1981. – 305 p.
8. Лиотар, Ж.-Ф. Состояние постмодерна / Ж.-Ф. Лиотар. – СПб.: Алетейя, 2001. – 314 с.

Поступила 16.09.2014

THE BASIC RESEARCH STRATEGIES OF LANGUAGE IDEOLOGY IN THE MODERN PHILOSOPHY OF CULTURE

O. MASHCHITSKA

The article deals with a theoretical reconstruction of the main research strategies of linguistic functioning of ideology, post-Marxist, post-structuralist, post-modern, theological, linguistic. The trends that are common to all strategies of language learning ideology in contemporary culture: all of the above strategies tend expanded understanding of ideology, in all the strategies fixed link ideology and language, as well as the advantage of the research is justified by the level of language ideology. Criticism and ideology of resistance due to the above-mentioned provisions of the move from content to language, as well as the updated problem implicit ideology.